

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС

20—28 мая 2010 года
НОВО-СИБИРСКИЙ ТРАНЗИТ
ЗА 8 ДНЕЙ ОТ УРАЛА ДО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Администрация Новосибирской области, Министерство культуры Российской Федерации
Союз театральных деятелей РФ, Мэрия города Новосибирска, Новосибирский театр «Красный факел»

РЕЖИССЁР С МУДРЫМ СЕРДЦЕМ

На два дня — 22 и 23 мая, когда шли «Экспонаты» В. Дурненкова и «Прощание славянки» по В. Астафьеву, главным героем фестиваля, безусловно, стал режиссёр Дмитрий Егоров. Зрители только о нём и говорили, да и многочисленные коллеги из разных городов после показов смотрели на него с большим уважением.

Показ «Экспонатов», поставленных Егоровым в Омской драме, я не пропустила бы ни за какие блага мира, так как неравнодушна к современной драматургии в целом и к Дурненкову в частности. Первое действие безоговорочно пленило и воодушевило. Стало очевидным, что Дмитрий значительно вырос и окреп в профессии (на прошлом «Транзите» в Барнауле я видела его «Прекрасное далёко»). Стремительный темпоритм сочетается в его «Экспонатах» с подробным актёрским существованием, ансамблевостью. Всё же мастерство Омской труппы — выше всяких похвал. Не могла дожидаться, когда закончится антракт, не терпелось далее насмотреться на это чудо. Но второе действие вдруг провисло, вероятно, сказались жанровая размытость пьесы: конфликт заявлен, а кульминация не выявлена, и финал получился открытым. Иногда многоточие уместно, но в данном случае оно несколько смазало выразительность художественного высказывания. Чего не скажешь о «Прощании славянки» Молодёжного театра Алтая — спектакль воспринимается с таким личным включением в действие, что мороз по коже, ощущение, словно сквозь тебя пропустили электрический ток...

Егоров сам выполнил сценическую композицию — проникновенно и бережно по отношению к стилистике и нерву романа Астафьева. Художник-постановщик Фемистокл Атамадзас соорудил целый мир — досчато-бревенчатый, грубый, с казарменными нарами и страшной чёртовой ямой посредине, с полем боя, раз-

вершимся могилами для восемнадцатилетних новобранцев. Конструкция не только целиком занимает сцену, но простирается в зрительный зал, и публика первых рядов взаимодействует с актёрами глаза в глаза, видит их неподдельные страдания, страх и слёзы.

Я редко позволяю себе плакать прилюдно, считаю неприличным обнаруживать крайние эмоции. И хотя умом понимала, что многое в спектакле недотянато или, наоборот, пережато, прослезилась не раз, а в финале испытала катарсис — почти забытое состояние. Студентам Алтайского ГАКИ, может быть, и не хватало мастерства, зато мальчишки не имитировали, а по-честному проживали коротенькие судьбы своих проклятых и убитых персонажей. Они совпали с героями и по возрасту, и по внутренней чистоте и наивности.

Сильнейшие сцены — убийства мальчишек и танцы в сельском клубе, где рядом с живыми солдатами зримо присутствуют погибшие. Дранные шинели, горестные лица, выбеленные смертью. Навсегда разучившиеся улыбаться, они прижимают к себе музыкальные инструменты — символы души. Дмитрию Егорову удалось и бессловесные моменты, идеально совпавшие со стилистикой писателя. Это сцены атаки (хореограф Ирина Ткаченко) и прощания деревенских девчонок с солдатами. Девичьи фигурки бредут по колхозному полю, убирая урожай, навстречу кумачовому лозунгу «Женщины! Всё для фронта!» С каждым шагом их поступь тяжелеет, плечи сутуляются, спиныгибаются до земли: цветущие девушки превращаются в старух под тяжестью непосильной работы и невыносимых утрат.

В театре ценно и важно не одно лишь мастерство, не одна эстетика. Театр требует сердца — вот какое открытие сделал для меня Егоров, режиссёр, чей талант определяется наличием не по возрасту мудрого сердца, даром человеколюбия, человекопонимания.

Ирина Ульянина

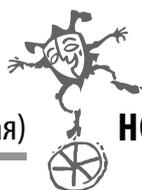
НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ

Спектакль о первых месяцах войны поставил молодой режиссёр Дмитрий Егоров, а участие принимали жители Барнаула — они собрали для постановки шинели, платки, валенки, котелки. Вещи здесь такие же подлинные, как и чувства.

Фантомами, призраками, роботами, неодушевленными механизмами, слитыми со своими винтовками, становятся солдаты советской армии в пластических композициях, символизирующих в «Прощании славянки» неумолимость военной машины. Звериная музыка. Звериные лица. Звереющие. Озверевающие. Озверевшие. Впрочем, лиц нет. Только фигуры в серых шинелях, испуганно вскидывающие винтовки, долбящие ими пол. Едкий дым заполняет в сцену и просачивается в зал — дым, как в аду, куда бойцы попали со школьной скамьи.

Когда юные артисты, выпускники курса Валерия Золотухина, выходят на поклон, отчётливо сознаешь, что с ними могло произойти то же самое, что и с их героями. Это они выскребали последнюю кашу из котелка, это они замерзали в порванных шинелях, это они неистово молились за упокой души убиенных... Так страстно, так честно, так подлинно сыгран спектакль, что сердце изнывает от тоски и боли. Зрители плакали и не стеснялись этого.

Спектакль — о взрослых мужиках, так или иначе приспособившихся к войне. И о неоперившихся мальчишках, которых эти взрослые заставили воевать. Видели бы вы их глаза. Ясные, наивные, чистые — в самом начале, когда тыловая подготовка резервных частей советской армии только началась. И что с ними стало через каких-то пару месяцев голода, недосыпа и издевательств. Это полулюди, бредущие неизвестно куда, равнодушные ко всему, загнанные и

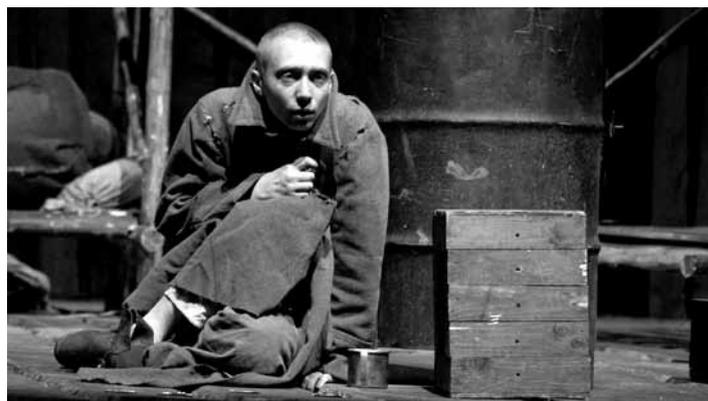

сломленные, как рабы. И не знаешь, какие эпизоды пронзают сильнее — в казарме, на нарах, где вытравливается человеческое, или в деревне (их отправили туда на уборочные работы), где это человеческое к ним возвращается. Впервые за долгое время пацанов отмыли, отогрели и накормили. За обе щеки уплетают харчи, с непривычки соловлеют от водки, которую щедро наливает хозяин хаты, где остановились на постой, требуют баян, ведь душа хочет праздника. Боже мой, какие они ещё дети.

— Побьём врага? — спрашивает, захмелев, хозяин.

— Конечно, побьём! Сколько у них — и сколько у нас народу! — весело отвечает осмелевший парнишка, вдруг поверивший, что он герой, и сам не сознающий, какую чудовищную правду о войне сказал. Конечно, пушечного мяса у нас хватает. Если немцы не добьют, так свои прикончат. Понабрали детишек чуть ли не ясельного возраста, одели в дырявые ботинки, посадили на голодный паёк, бросили под танки, а кто уцелел — тех расстреляли сами. В воспитательных, так сказать, целях.

Одинокий трубочок молча бродит по сцене, засыпает могилу убитого стружкой песка, бесконечно и неумолимо вытекающей из раструба. А потом к нему присоединяется кто-то ещё. И кто-то ещё. И Лёха Булдаков, не желавший мириться с тупостью офицерских приказов и отправленный под трибунал за антисоветскую пропаганду. И братья Снегирёвы — толстый и тонкий, младший и старший, добрый и сердитый, — они убежали в самоволку, в родную деревню, чтобы принести продуктов изголодавшимся товарищам. Они так трогательно, совсем пошлячески, на своём забавном деревенском наречии, торопясь, перебивая и отпихивая друг друга, рассказывают старшему лейтенанту о том, как отелилась корова и как назвали телёнка. Они так искренне стараются, чтобы им поверили, чтобы поняли, что ничего дурного они не замыслили, никакие они не дезертиры. А

их — под трибунал. «Дяденьки!» — крик о пощаде и два выстрела. Дяденьки чётко выполнили свою работу.

В молитве, которую солдат пересказывает командиру, есть слова: те, кто несёт смертоубийство, пусть будут прокляты и убиты. Но проклятыми и убитыми оказываются самые невинные, самые неискушенные, совсем ещё дети. «Прощание славянки», этот бравурный марш, вызывающий мгновенный приступ оптимизма и любви ко всему миру, звучит в финале спектакля в исполнении целого оркестра. Музыканты — те самые бойцы, которых убили. Беспощадная правда есть в том, что самую жизнеутверждающую музыку играют с каменными лицами, где зияют черные провалы глаз, в которых застыла вечная мука. Играют те, кто только начинал жить и ничего, ровным счётом ничего не успел... Так громче, музыка! Играй победу! И враг разбит — ура, ура, ура!

Яна Колесинская

«ПОПЫТКА РАЗБАВИТЬ СИРОП» Режиссёр Дмитрий Егоров

— На этом «Транзите» представлены сразу два ваших спектакля, «Экспонаты» и «Прощание славянки». Какие это вам приносит ощущения?

— Два спектакля — это двойная ответственность. Фестивальная публика — жадная до впечатлений. Она более внимательно смотрит спектакли, ей очень хочется понять, за что ту или иную постановку взяли на фестиваль. И мне кажется, что ни «Экспонаты», ни «Прощание славянки» мы не провалили. Это самый важный критерий. А дальше судить уже не мне.

— Бог троицу любит...

— ...Конечно же, на своём третьем «Транзите» мне вряд ли повезёт показать уже три своих спектакля. Но работать в Сибири мне нравится. И я буду стремиться и впредь приезжать в Новосибирск — ведь мой прадедушка был последним городским головой в Новониколаевске! Я впервые оказался на земле предков. Меня всё время мотало вокруг Новосибирска — Омск, Барнаул...

— Знаете ли вы авторов — будущих классиков?

— Время всё расставит по своим местам. Я много работаю с современной драматургией, но не являюсь большим её поклонником. «Экспонаты» — пьеса про объективную реальность. И тот же мат в ней — на своём месте. Наш народ матерится везде и всегда. И если поставить пьесу о шахтерах без мата — это будет абсолютная комедия. И наш спектакль — попытка разбавить сироп из коммерческих спектаклей. Мне кажется, уже настало время поиграть — в хорошем смысле слова — в социальный театр.

— Сколько времени вам понадобилось на постановку спектаклей?

— «Экспонаты» сначала мы делали неделю на Омской лаборатории современной драматургии, дальше была пауза в полтора года, а потом два месяца репетиций в театре. Грубо говоря, на час сценического времени уходит месяц. «Прощание славянки» мы репетировали четыре месяца. Это серьёзный срок. Но режиссёрская профессия наскоков не прощает.

— Видимо, не случайно возникла актёрская поговорка: от большого количества репетиций ни один спектакль лучше не становится?

— В репетициях многое строится на актёрской этике. В Омске здоровое отношение театра к происходящему выражается в отсутствии какого-то злопыхательства в адрес приезжего режиссёра, когда все ходят и прищуриваются: кого это вы нам привезли на съедение? Как правило, чем больше у тебя гнусавят за спиной, тем хуже театр. А омские актёры, я заметил, даже не кричат друг на друга.

— А чего такого нет у Чехова, что есть у Дурненкова?

— Хороший вопрос. Сейчас подумаю. Рок-н-ролла. Чехов рефлексировал о происходящем вокруг. А Дурненков вводит в свою пьесу Егора Летова, который выл на всю страну. Летова можно было считать в каком-то смысле даже символом Омска, но при этом там уже не продаётся футбол с его изображением. А что касается Чехова, то мне кажется, что он писал гораздо жёстче, нежели его сейчас ставят. Он просто препарировал человека.

Юрий Татаренко

«РУКОВОДСТВО ТЕАТРОМ — ТОЖЕ РЕЖИССУРА»

Никита Гриншпун, главный режиссёр Сахалинского МТЦ

— Вы приехали из Москвы на Сахалин. Это действительно край земли?

— Да. Мы с приятелем как-то стояли на берегу океана на конечной автобуса. И я сказал: «Это последняя остановка страны». А ты стоишь на ней и чего-то ждёшь — ощущения потрясающие! Да, Сахалин — это конец пути...

— И в творческом смысле тоже?

— Нет, мне бы не хотелось прийти к этому. Я приехал туда человеком, умеющим ставить спектакль. Но как художественный руководитель театра я полный ноль. Я никогда этого не пробовал. Многие мои товарищи говорили: ты сошел с ума, зачем тебе это надо? Сиди в Москве, поставь спектакль — и всё у тебя будет хорошо. Но мне интересно новое, нужно постоянно что-то придумывать, держать себя в тонусе. Это тоже режиссура, как оказалось. Я же должен решить сезон. Что, куда, как, что для этого нужно — целая куча вопросов. И все это надо по-режиссёрски поставить. Это тяжело, но очень интересно.

— Не так давно в вашем театре прошла лаборатория молодой режиссуры. Кому и зачем это нужно?

— Понимаете, тут какая штука. Вот живут люди в Москве. Если отъехать от неё на 150 км, попадаешь в другую страну. А приедешь на Сахалин — попадаешь в другое время. Я считал своей обязанностью познакомить сахалинцев с современной драматургией, молодой режиссурой. Это было нужно и для артистов, и для зрителей. В городе всего один театр, и я просто должен охватить все стороны театра. А он состоит не только из Островского и Чехова, которых я, кстати, очень люблю. А вот к «новой драме» я отношусь не очень хорошо. Тем не менее, я организовал эту лабораторию. Сам выбрал пьесы. Приехали Марат Гацалов, Вячеслава Кокорин, я пригласил и молодых режиссёров Дмитрия Егорова, Андрея Корюнова, ребята пахали неделю и сделали очень интересные вещи. Их не все принимают на ура, это верно. Но я уже чувствую, как в городе меняется отношение к творческим экспериментам.

— Чем вам так дорога эпоха «застоя»?

— Лично мне в ней было так хорошо... Это время, когда был жив мой отец, дедушка с бабушкой. И плавать мне на слово «застой»... Интерес к Шукшину сейчас большой. Я понял, что для Сахалина подходит именно этот материал. Когда в Москве играют Шукшина — это всё равно игра. А на Сахалине так живут. Для спектакля я выбрал те рассказы, которые меня очень тронули. Я не очень люблю Шукшина как писателя, это не мой автор, но меня поразил его рассказ «Верую». Это что-то гениальное, я не представляю, как он мог написать такое.

Юрий Татаренко

УРОКИ ДРЕВНИХ ГЕРОЕВ

Медиана «Ново-Сибирского транзита» была отмечена самым необычным спектаклем. Во-первых, это единственная постановка не на русском языке. Во-вторых, она пропитана национальным колоритом. В-третьих, главный герой, персонаж народного эпоса, — пример, укор и намёк нынешним политикам. На два часа зрители перенесли не только в другую страну, но и в другую эпоху.

Великолепные костюмы и декорации выполнены из натуральных материалов. Всё это хочется подробно разглядеть и потрогать руками. Однако «Культегин» отнюдь не настроивает на созерцательность. Это история о войнах между народами и об истинном патриотизме вождей, отстаивающих свою родину. Есть в ней место и горловому пению, и батальным сценам, и любовному сюжету.

Драматург Эдуард Мижит написал историческую драму на основе высеченных на камне рун VI века. Режиссёр Алексей Ооржак уже до этого ставил спектакль о соратнике Чингисхана Субедее, участвовал в съёмках фильма «Тайна Чингисхана». Чтобы усилить героическую линию спектакля, он немного отступил от исторической правды. В реальности великий тюркский воин Культегин умер от ран в своей ставке. В спектакле он пожертвовал своей жизнью ради спасения народа, добровольно сдавшись в плен.

«Чтоб быть счастливым на земле, не нужно славы. Но увы, я понял это слишком поздно», — говорит Культегин после гибели любимой жены. Это не единственный его монолог, обращенный к залу. Казалось, была минута, когда он был готов отступить от своей миссии, забыть о чувстве долга. Но это была только минута. Ответственность перед будущими поколениями снова ведёт его в бой. Возможно, в этом заключается послание современным политикам, действующим по совершенно иным соображениям.

Низко поклониться нужно и самим участникам спектакля. Члены Экспертного совета, занимавшегося отбором спектаклей для фестиваля, рассказывали, что до Кызыла они добирались через горы и пургу. Здание театра закрыто на ремонт, поэтому актёры и сотрудники вместе построили сцену в помещении холодного склада. Выезд на фестиваль для них особенно важен. А встреча с ними важна для новосибирских зрителей: ничего подобного на наших площадках нет и не было.

Анна Егорова

ТАТЬЯНА ШИПИЛОВА,

заведующая отделом культуры газеты «Советская Сибирь»:

— Первые три дня фестиваля я не пропускала ни одного спектакля, пользовалась выходными, когда не надо посещать редакцию, и радовалась уникальной возможности увидеть, что происходит в театрах разных городов. Наибольшее впечатление оставил замечательный «Коляда-театр», с которым я встретила впервые. На самом деле, смотреть спектакли — серьезный труд. Я за минувшие выходные устала, как за целую неделю. И вот какой сделала вывод: у нас потрясающе благодарные, внимательные, чуткие, умные зрители. Если бы, например, на «Золотой Маске» могла существовать номинация «Лучшие зрители», премия бы наверняка досталась новосибирской публике.

МИХАИЛ ОКУНЕВ,

ведущий актёр труппы Омской драмы, заслуженный артист России, лауреат Национальной премии «Золотая Маска»:

— Я приезжаю в Новосибирск на гастроли далеко не первый раз и не впервые участвую в фестивале «Транзит». Есть, с чем сравнить. «Красный факел» невероятно похорошел после реконструкции. Очень здорово, остроумно, со вкусом придумано фестивальное оформление: театр — транзитный вокзал. Надеюсь, столб с указателем километров до сибирских городов и столиц мира оставят перед ним навсегда? Наша поездка на фестиваль была, конечно, недолгой, чуть больше суток, но мне нравится, что уезжаем прямо с капустников, с фуршета, где я обнялся со столькими знакомыми, а от незнакомых людей услышал много добрых слов. Увожу с собой сплошные позитивные эмоции. Спасибо организаторам и зрителям!

ТАТЬЯНА КОЗИЦЫНА,

директор Молодёжного театра Алтая:

— Спектакль «Прощание славянки» нужно или смотреть от начала до конца, или не смотреть вообще. Те, кто его видел, поймут почему. Все вещи, реквизит, одежда в постановке настоящие. Мы их собрали, организовав для зрителей акцию «Единым фронтом». А с обработкой старинных вещей нам помогло МЧС. Правда, они сначала пошутили: «Вы что, хотите, чтобы вам Шойгу вшей гонял?» Но потом согласились. Спасибо МЧС!

МАРИЯ ШАРАПОВА,

актриса Сахалинского Международного театрального центра им. А. П. Чехова:

— Наш театр впервые на «Транзите». Но сама я из Иркутска и однажды принимала участие в фестивале (он тогда был «Сибирским транзитом») с иркутским ТЮзом. А поскольку было это на нашей территории, на меня сильного впечатления фестиваль не произвёл. Сейчас — другое дело. Могу сказать, что, на мой взгляд, очень хорошая организация. Понимаешь, что ты в гуще событий, что не только Москва и Петербург бурлят, а и в провинции происходят интересные вещи. Новосибирские театры — и «Глобус», и «Красный факел» — это что-то потрясающее. Для нас, например, было открытием то, что в этих театрах есть малая сцена, у нас это пока только в проекте... Вообще, у этого фестиваля есть атмосфера доброжелательности, это так здорово!

ДАРЬЯ ФЛЕЕНКО,

преподаватель Новосибирского театрального института:

— Каждая школа — изображения или переживания — имеет свои особенности, привлекающие публику. В «Сумасшедшем концерте кошки-оборотня» Изуми Ашизавы мастерство актёра проявляется, прежде всего в умении владеть своим телом, голосом, обладать выразительностью жеста. В восточном театре смысл и форма высказывания неразделимы. После спектакля возникло ощущение внутренней гармонии.

РОЗА ЛИТВИНЕНКО,

кинокритик, тележурналист, Новосибирск:

— Я воспринимаю фестиваль «Ново-Сибирский транзит» как счастье в личной жизни. А как иначе, если у меня каждый спектакль вызывает личную взволнованность и сопричастность? За это отдельное спасибо Экспертному совету. Репертуар подобран так, что есть о чем говорить и спорить до утра. Оспаривать мне не хотелось только «Трамвай "Желание"», напротив, «восхищенья не снесла» и уже в антракте отправилась благодарить исполнительницу роли Бланш, заслуженную артистку РФ Ирину Ермолову, которую много раз видела на сцене драмтеатра в Екатеринбурге. Отдельная радость — капустники, почти исчезающая культура. Наши ребята из стёб-арт студии «Ха!Мы!», по-моему, впереди планеты всей, ведь импровизировать, мгновенно реагируя на спектакли участников, — редко у кого получится. Кажется, я смеялась громче всех.

СЕРГЕЙ ЧЕРДАНЦЕВ,

артист Омского академического театра драмы:

— Я окончил Новосибирское театральное училище, курс Изяслава Борисова, и он же помог мне попасть в Омскую труппу, сделав со мной для показа композицию из монологов чеховского Лопухина. До этого я играл в его постановке «Вишневый сад» Яшу... Естественно, перед поездкой на фестиваль от волнения спать не мог. Из поезда слал SMS своему мастеру и всем новосибирским друзьям-однокурсникам. Все пришли. На наших «Экспонатах» был такой аншлаг, что мои друзья смотрели, сидя на полу. Сказали: «Трудно играть дурачка. А еще трудно играть сильно умного», шутили, конечно. Лично мне трудно было не играть, а уезжать. Мне в Омске нравится, всё хорошо... а Новосибирск остается родным и дорогим, притягивает.

ТАТЬЯНА ГРИШАЕВА,

театральный менеджер, Томск:

— В спектакле «Старосветская любовь» новосибирского «Глобуса» очень трогательные персонажи. Все без исключения. В какой-то момент я даже всплакнула. От умиления их мудростью, их душевным спокойствием. Будто бы видишь-ся со своими бабушкой и дедушкой. Приятно отметить, что молодые актёры в этом спектакле соответствуют признанным мастерам «Глобуса». Томские театры не попали на фестиваль, но мне всё равно было очень интересно приехать на «Транзит», я не разочарована.

АНДРЕЙ НОВАШОВ,

журналист, Прокопьевск:

— «Доходное место» новосибирского «Первого театра» произвёл очень сильное впечатление. Я не ожидал, что будет такой мощный, интересный финал. Это было просто потрясение. Не так давно я смотрел «Доходное место» в «Сатириконе». У Райкина очень сильная труппа. Но режиссура Южакова мне понравилась больше. Она прошибает.

ИННА ПЕТРЕНКО,

директор Сахалинского театрального центра:

— У меня всегда есть слова, чтобы выразить состояние «нет слов». Лермонтовым я восхищаюсь ещё со школы, но сегодня в обоих антрактах я просто разговаривала стихами. Что касается режиссёра Кулябина, о нём я услышала на Мелиховском фестивале, где назывались имена молодых режиссёров, способных изменить лицо современного театра. «Маскарад» — это великолепная режиссёрская работа. Этот спектакль, я считаю, ждёт долгая жизнь, потому что он интересен людям самого разного возраста. Я узнала, что Арбенина здесь играет ещё и Балувев, и весь спектакль думала: я не хочу никаких Балувевых! Игорь Белозёров в роли Арбенина — настоящий. Я ему верю.

ДМИТРИЙ ЕГОРОВ,

режиссёр:

— Каждый режиссёр делает свой театр, но когда видишь что-то невероятное и понимаешь, что тебе такого не сделать, охватывает белая зависть. У меня на следующий день после «Маскарада» в голове постоянно возникали какие-то отрывки из него. Это значит, постановочная бригада свою задачу выполнила, своих целей добилась. Я рад этому. Режиссёрская профессия постепенно отучает получать впечатление от театра. В спектакле есть актёрская команда, которая работает очень чётко, очень геометрично. Очень понравились актёрские работы Игоря Белозёрова и Евгения Терских.

ЕЛЕНА КОНОВАЛОВА,

театральный критик, Красноярск:

— У меня очень сложное впечатление осталось после «Маскарада». Я посмотрела уже второй спектакль режиссёра Тимофея Кулябина и не могу не восхищаться тем, насколько интересно он работает с формой. Но я не могу сказать, что такой театр мне очень близок. Очень интересно решение возраста персонажей. Арбенин здесь вовсе не байроновский красавец, но очень сильный мужчина. Нина обречена, потому что рядом с таким не всякая женщина сможет прожить, а тем более женщина-ребёнок. Должна сказать, в «Красном факеле» очень сильная мужская часть труппы. Мне очень нравятся актёрские работы Владимира Лемешонка, Константина Телегина... И Игоря Белозёрова, конечно! Встреча с ними — настоящее удовольствие. Плюс Лаврентий Сорокин, которого Красноярский край потерял, а здесь он так удачно вписался в труппу.

«МОИ ГЕНЕРАЛЫ — РЕЖИССЁРЫ И АКТЁРЫ»

Татьяна Козицына, директор Молодёжного театра Алтая

Татьяна Фёдоровна возглавляет бывший ТЮЗ, переименованный в Молодёжный театр Алтая, уже 14 лет, но перед показом на фестивале «Новосибирский Транзит» волновалась, как школьница перед экзаменом.

— Для меня Астафьев — святое имя, один из самых почитаемых, любимых писателей, с которым я связана и личной биографией. Начну с того, что когда мне было 18 лет, я училась в Москве, в ГИТИСе, Виктор Петрович в доме моей крёстной, актрисы МХАТа Ксении Мининой, подарил мне свою книгу «Далёкая и близкая сказка» с надписью: «Чалдонке от чалдона о самом дорогом — нашей незабвенной родине Сибири». Мы долго беседовали об Алтае, о корнях, о предках, нашли общих знакомых. Спустя ещё несколько лет, когда я стала аспиранткой и писала диссертацию по диалектам Сибири как средству речевой выразительности на примере произведений Шукшина, Распутина и Астафьева, научный руководитель посоветовала в письмах задать конкретные вопросы этим прозаикам. Василия Макаровича уже не было в живых. Распутин мне не ответил. А над письмом к Астафьеву я долго мучалась (почти как пушкинская Татьяна), сочиняла целую ночь, не зная как обратиться: вспоминать прошлые встречи или умолчать? Он тогда переехал в деревню Овсянки под Красноярск и ответил на удивление мгновенно и очень тепло: «Дорогая Таня!!!!!!» — после многочисленных восклицательных знаков следовали ответы о диалектах, а далее — подробный рассказ о деревенском житье-бытье. Что они с женой в огороде высадили, какие урожаи, какую скотину завели и т. д. А в конце письма приписка: «Графоманов нынче развелось, как вшей в бараках первой пятилетки, вот и ты, Танечка, писать начала».

Вот ведь как тесен мир! Потом к нам в Барнаул из Красноярска переехал Владимир Сергеевич Кузнецов, долгое время бывший начальником краевого управления культуры. Он не просто знал Астафьева, но и дружил с ним, и именно в доме Татьяны — сестры Кузнецова — в алтайском селе Виктор Петрович два лета подряд писал «Проклятых и убитых». Естественно, мы встречались, Астафьев рассказывал, что прототипом Рындина из романа был Петр Герасимович Николаенко, вытаскивший его с поля боя. Этот Николаенко до сих пор живёт неподалеку от Барнаула...

— Вы ставили «Прощание славянки» к 65-летию Победы?

— Нет, ни в коем случае!.. Премьера состоялась 3 сентября 2009, а готовились к ней 2 или 3 года по инициативе Митя Егорова. Дело было в Питере на фестивале «Радуга», где с большим успехом прошло «Прекрасное далёко» — спектакль удостоился трёх призов, четвёртый — зрительских симпатий. Оттуда мы улетели в Германию, на международную биеннале в Висбаден, где успех повторился в ещё более колоссальном масштабе. Митя на похвалы и овации никак не реагировал, его занимал только новый замысел — «Проклятых и убитых», он к тому времени уже написал композицию и постоянно на фестивале мне о ней твердил. Я и воодушевилась совпадению наших литературных пристрастий, и вздрогнула, зная, какую злобную полемику затеяли в своё время по поводу этого романа коммунисты Алтая, да и новосибирские члены КПСС к ней присоединились. Недаром премьера «Прощания славянки» вызвала новую волну обвинений в том, что мы честь советских офицеров порочим.

— И недаром в программку включена цитата Астафьева: «Всю правду о войне знает только Бог. Наш народ в большинстве своем не знал её и, возможно, знать не хочет — слишком страшна она и отвратительна, слишком для усталых русских людей, прежде всего истинных вояк, правда эта неподъёмна» А молодой Митя Егоров поднял.

— Тем, чьи помыслы чисты, всё удаётся. Например, мы обратились к барнаульцам с просьбой поделиться личными вещами времён Великой Отечественной. Принесли, кроме одежды, скатёрки, полотенца, посуду, так что в нашем спектакле много подлинных костюмов и реквизита.

— Не менее подлинными воспринимаются исполнители ролей мальчишек из учебного центра, замученных голодом и муштрой, произволом офицеров.

— Они совсем скоро станут выпускниками спецкурса академии культуры и искусства и в полном составе — 15 человек — будут зачислены в труппу. А набирали мы этот курс с худруком театра народным артистом РФ Валерием Золотухиным

целиком целый год по глухим деревням, весь край объехали. Им, конечно, трудно было. Живут в общежитии, стипендия маленькая, родители беднейшие, ничем помочь не могут. Так наши мальчишки каждое лето ездят в деревню, занимаются прополкой, ремонтом, чтобы немножко заработать, овощами запастись. Их не только мы полюбили, многие. Например, известный театральный критик Роман Должанский, приезжавший на «Прощание славянки» аж три раза, почти ежедневно с ребятами на связи. А про Митю и говорить нечего. Недавно в краевом театре драмы Роман Виктюк выпускал премьеру «До свидания, мальчики», хотел занять наш курс в массовке, но Егоров не позволил. А Золотухин прилетел 6 мая, когда к нам на этот спектакль приходил губернатор Александр Богданович Карлин, который очень растрогался, обещал ускорить строительство нового здания театра. Вы же знаете, что наш театр все 54 года существования делит помещение с Домом пионеров, теснота у нас жуткая, помещения плохо приспособлены.

— То, что Золотухин, «последний из могикан» Таганки, который много снимается, плотно занят и не блещет крепким здоровьем, находит время и силы для регулярной заботы о вашем театре, — это поразительно.

— Да, мне с ним повезло. Если бы не Золотухин, вряд ли мы бы нашли деньги на фестивальные поездки. Сейчас на «Транзит» прилетели из Санкт-Петербурга, с очередной «Радуги». Я потому и переживала за ребят, что у них стресс за стрессом. Ещё больше переживал Митя. В Питере перед показом в огромном зале ТЮЗа имени Брянцева он выбежал к публике и попросил отнестись снисходительно: «Понимаете, наши мальчики впервые летели на самолёте». После Римма Павловна Кречетова, маститый театровед, мне рассказала: «Я после этого сообщения приуныла. Ну, думаю, раз самолётов не видели, значит, самодеятельность, а я очень не люблю непрофессионализма. И вдруг они показали такой класс! Сейчас мало кто даже из академических, богатых театров берётся за воплощение спектаклей большой формы, это уже мало кому по силам. А вы...». Оказывается, Кречетова во время войны была эвакуирована с пионерлагерем «Артек» в Алтайский край и жила в бараке, рядом с которым на улице качались на столбах точно такие же фонари, как у нас в спектакле, и висел такой же громкоговоритель. Она из критика превратилась в хвалителя спектакля, а у нас ещё одним другом стало больше.

— Кстати, 29-летний Митя Егоров, к имени которого обычно прибавляют «молодой режиссёр и драматург», отнюдь не самый молодой из постановщиков-участников «Транзита». Вы заметили, что повсеместно идёт тенденция омоложения творческих лидеров?

— Я ей очень рада. Мне вообще все молодые кажутся красивыми и более талантливыми, чем моё поколение. Они знают о жизни и об искусстве нечто такое, что нам сложно постичь. Будете смеяться, худрук Золотухин мне после каждого «чужого» показа, (например, после «Маскарада») звонит и ревностно спрашивает: «Ну, как, хуже нашего?» А я честно рапортую: «Товарищ генерал, нет, не хуже, просто совсем другой и о другом». Ведь, безусловно, Тимофей Кулябин — режиссёр талантливейший. Я ещё когда видела его студенческие этюды, поняла, что он — явление, феномен.

— Не спорю. Забавно, что вы худрука называете генералом.

— Не только его, а и режиссёра, и всех своих актёров. Они в театре главные, гораздо главнее меня. Роль директора — создавать условия. Моё счастье в том, что я создаю их для творчества, а не для его имитации.

Ирина Ульянина

ГРУСТНАЯ ПРИТЧА ШАМИСЕН

«Сумасшедший концерт кошки-оборотня» Изуми Ашизавы. Спектакль-гость фестиваля

Тоскливо и протяжно звучит шамисен. Как будто вдохнули в него жизнь, и стал он изливать свою грустную притчу. О том, что сокрыта в инструменте душа котёнка — дочери принцессы. О том, как давным-давно этот котёнок беззаботно гулял по королевскому двору и лакомился рыбкой. О том, что был великий мастер, который искал совершенного звука. О том, как предложил ему злодей сделать правильный шамисен. Только для этого нужна была нежная кожа. Подманил злодей котёнка и обманул его. Долго-долго искала мать котёнка-дочку. Послала слуг во все края на поиски — безрезультатно. Однажды услышала она волшебную мелодию шамисен и признала дочурку. Решила принцесса отомстить обидчику и обернулась духом. Да только не о мести пел шамисен. Музыка просила мать успокоиться, смириться с судьбой. Жалел шамисен принцессу. Грустно звучали струны.

Спектакль-притча скрывает за английской речью японскую философию. Всё вокруг живое, всё наполнено душой. Бережно и уважительно нужно относиться к окружающему. Таинство сцены облачено в полумрак. Слабый свет софитов выделяет плавные и отточенные движения актёров. Игра с масками, кимоно и веером, искусные перевоплощения отражают национальный стиль. Мы видим утончённого музыканта, но уже через секунду слышим в его голосе хитроватые интонации злодея. Актёр обволакивает нас своими движениями, как паук. Интонация и пластика — важные составляющие японского стиля. Очень технично, почти ритуально доносят они до зрителя грустную притчу шамисен.

Анастасия Муратова

СВЕТОПРЕДСТАВЛЕНИЕ

«Мы, герои», режиссёр — Франсуа Рансийак (Екатеринбург, ТЮЗ)

Мари-Кристин Соме — художник по свету в спектакле «Мы, герои» Екатеринбургского театра юного зрителя, созданного совместно с «Комеди де Сент-Этьен» и Национальным драматическим центром, театром «Аквариум» — вернулась к себе во Францию после окончания работы над постановкой, а господин Свет остался в России. Он до сих пор исправно исполняет все указания русско-французского коллектива, давшего спектаклю жизнь. После показа в рамках фестиваля он ответил на несколько наших вопросов.

— Господин Свет, в чём суть вашего пребывания на сцене?

— Если бы я не вмешивался в происходящее, у героев не осталось бы времени на себя. Ведь это история бродячей труппы, где все всегда на виду друг у друга: во время спектаклей, в гримёрной, за обеденным столом... Я выделяю персонажам личное пространство, чтобы они могли побыть наедине с собой, поразмышлять о жизни, вспомнить о прошлом...

— В сцене помолвки свет внезапно гаснет прямо на середине чьей-то фразы, а потом появляется белое пятно фонаря...

— Я помогаю увидеть пересечение параллельных сюжетных линий. Всё осталось на своих местах: декорации не изменились, но благодаря мне смонтировалось несколько диалогов. Фонарь зажигается в руках Рабана, который мечется от

одного героя к другому в попытке разобраться в своих чувствах. Даже сойдя со сцены, актёры остаются актёрами, и фонарь становится ещё и символом театральности, непременным атрибутом жизни, неотделимой от сцены.

— Вы освещаете и зрителей, включаете их в действие.

— Как сделать так, чтобы актёры-персонажи играли на сцене, но при этом было ясно, что это не театр, а жизнь? Нужно либо им самим спуститься в зал, либо поднять зрителей на сцену. Постановщики выбрали второй путь. Герои то и дело всматриваются в зрителей, обращаются к ним, присаживаются рядом. Когда Рабан выходит с фонарем, он ищет нужного ему собеседника и среди зрителей, освещая их белёсыми лучами. А во время помолвки Рабана и Жозефины вишнёвым соком угощают всех без исключения, не делая различий между актёрами и зрителями. А ведь, в сущности, между ними и нет различий...

Татьяна Настина

Сколько встреч, длинных и коротких — запаситесь водкой!

*Что фестиваль, а мы чемпионат мира по хоккею выиграли!
Ну, почти выиграли — если с Ванкувером сравнить...*

*Это что же делается — сегодня кошки-оборотни,
а завтра и собаки-якудзы соберутся!*

*Что за картина? Это ж Нина, Арбенина вторая половина:
мороженое жрёт — и все ей нипочем!*

Парк-отель «МанжерОК»

70 м

Гостиница
Ресторан
Сауна
Бильярд
Бассейн

**Незабываемый отдых круглый год
на Горном Алтае
в живописном месте на берегу Катунь**

Дирекция:
г. Новосибирск
тел.: 8-913-985-01-07,
8-913-947-30-73

Горный Алтай
тел.: 8-913-693-8600,
8(38844)28-5-26

www.manzherok-hotel.ru, manzherok-hotel@mail.ru

Фестиваль «Ново-Сибирский транзит» благодарит

